

Революция и повторение¹

КОДЗИН КАРАТАНИ

ПОВТОРЕНИЕ, ПРИСУЩЕЕ ГОСУДАРСТВУ

СТОРИКИ часто говорят, что тот, кто не знает прошлого, рискует пережить его снова. Но если мы знакомы с историей, избежим ли мы тем самым ее повторения? И существует ли в действительности такая вещь, как повторение истории? Эта проблема так и не была в полной мере осмыслена; ученые-историки никогда к ней не обращались, даже смутно сознавая ее потенциал. Я же убежден, что история может повторяться и что процесс этот возможно изучать *научно*. Разумеется, повторяется не событие, но структура. И как ни странно, именно повторение структуры зачастую влечет за собой повторение события. Однако сама повторяемость присуща лишь структуре.

Рассмотреть эти повторяющиеся структуры пытался Карл Маркс. Принято считать, что воззрения Маркса на историю включали стадийный характер развития, а не циклический. Однако к проблеме повторения Маркс также обращался в одной из своих ранних работ — «18 брюмера Луи Бонапарта». Проблема повторения истории поднимается уже в первых ее строках: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»². Здесь Маркс подчеркивает, что события, происходившие между Французской революцией 1789 года и коронацией Наполеона, повторились шестьдесятю годами позже

1. Перевод выполнен по изданию: © Karatani K. Revolution and repetition // UMBR(a): A Journal of the Unconscious. 2008. P. 133–149. Перевод с японского Хироки Ёсикуни.

2. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. М., 1957. Т. 8. С. 119.

во время революции 1848 года, которая окончилась коронацией Луи Бонапарта. Вместе с тем обнаруживаются и другие параллели. Во-первых, первая французская революция следовала модели истории Древнего Рима; это было повторение как воспроизведение (re-presentation), и основывалось оно не на заимствовании прежней схемы. В действительности воспроизведение становится повторением, только когда имеет место структурное сходство между прошлым и настоящим, иными словами, только когда налицо повторяющаяся структура, присущая нации (nation), трансцендентной сознанию отдельного человека.

По всей видимости, Маркс имеет в виду следующее место из «Философии истории» Гегеля: «Благодаря повторению того, что сначала казалось лишь случайным и возможным, оно становится действительным и установленным фактом»³. Гегель рассматривает обстоятельства, при которых Октавиан стал первым римским императором после убийства его приемного отца Цезаря. Цезарь вознамерился стать императором, когда Рим в силу своей экспансии уже не мог следовать республиканским принципам, но был убит теми, кто предпочел защищать республику. Лишь после смерти Цезаря римляне признали империю и императора неизбежной реальностью. Цезарь так и не стал императором, однако имя его стало нарицательным для властителя (царь, кайзер). Возможно, Маркс забыл об этом контексте, когда писал свое «Гегель где-то отмечает». Тем не менее в «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс говорит о повторении, которое он усматривает в обстоятельствах возникновения империи из республики, ставшего возможным благодаря Французской революции. Во время революции 1789 года король был казнен, а республика выдвинула фигуру императора, поддержанного народом. Фрейд называет ситуацию такого рода «возвращением вытесненного». Убитый король возвращается в фигуре императора, который стать королем уже не может. Император поддерживает империю, трансцендентную городу или государству-нации. Структура случившегося с Цезарем позволяет таким событиям повторяться в другие эпохи и в иных местах. Так, Наполеон, вознесенный на вершину власти Французской революцией и последующими войнами, пытался противостоять британскому индустриальному капитализму, основав *Европейский союз*: Наполеон был коронован и основал империю не потому, что помнил о прошлом, но благодаря политико-экономической ситуации того времени. Идея Наполеона в самом деле могла бы служить прообразом Евросоюза, но в обстоятельствах той эпохи

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993; 2000. С. 335.

его проект точнее было бы сравнить с завоеванием Европы гитлеровским Третьим рейхом. Ханна Арендт пишет об этом:

Исходное противоречие между внутренним устройством национального государства и завоеванием как политическим средством стало очевидным со времени крушения наполеоновской мечты. <...> Неудача Наполеона в объединении Европы под французским флагом ясно показала, что завоевание, осуществляемое одной нацией, ведет либо к полному пробуждению национального самосознания покоренного народа, либо к тирании. И хотя тирания, поскольку она не нуждается в согласии, может успешно управлять другими народами, она способна оставаться у власти, только если она прежде всего разрушает национальные институты в собственной стране⁴.

Завоевательные войны Наполеона можно назвать первым случаем империалистической экспансии одного национального государства в пределы другого. Уже в XX веке империализм породил национальные государства по всему миру. В сущности, это происходило через самоотделение от империй старого мира. Страны, связанные происхождением от одной и той же империи, имеют общие культурную и религиозную основы, даже если друг с другом конкурируют. В случае угрозы со стороны государства, возникшего в лоне другой империи, они, несмотря ни на что, выступают единым фронтом на основе прежней имперской идентичности, иными словами, вернутся в империю. Расширяясь в стремлении стать империей, национальное государство с неизбежностью приобретает империалистические черты. Таким образом, современное национальное государство, с одной стороны, существует как реакция на империю, а с другой — предрасположено к самоупразднению и возвращению к империи. Эта парадоксальная структура и вызывает свойственное государству повторение.

ПОВТОРЕНИЕ, ПРИСУЩЕЕ КАПИТАЛУ

В «18 брюмера» Маркс обращается и к другого рода повторению, к экономическому кризису 1851 года, который помог Наполеону III Бонапарту заручиться поддержкой госаппарата, то есть военных и бюрократии: «Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина <...> укрепила свое положение по отношению к граждан-

4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма/Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. С. 192.

скому обществу»⁵. В этом месте Маркс обнаруживает столкновение двух типов повторяемости: повторяемость на уровне государства и в капиталистической экономике. Никто в то время не обращал внимания на повторяемость экономических кризисов. Считалось, что торговый кризис явился результатом революции 1848 года и мог быть преодолен экономическими мерами.

Нельзя сказать, что Маркс в полной мере исследовал проблему периодичности кризисов. Он полагал, что кризис не мог способствовать революции, поскольку еще не успел разразиться: «Помимо этих особых обстоятельств кажущийся кризис 1851 года представлял не что иное, как заминку, которая постоянно происходит с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил они лихорадочно не пробегут последнюю часть цикла и снова не возвратятся к своей исходной точке, всеобщему торговому кризису»⁶. Таким образом, Маркс полагал, что описываемый им кризис будет сопровождаться «общим торговым кризисом», который и вызовет всеобщую революцию в Европе. Однако революции не случилось, хотя в 1857 году кризис действительно разразился. Кризис является серьезной проблемой для капиталистической экономики, но не только не разрушает систему, но и не влечет за собой автоматически революцию. Напротив, тяжелый кризис или депрессия ведут к контрреволюции. Случаи, упомянутые в «18 брюмера» подтверждают тот факт, что экономический кризис способствует установлению государственного капитализма бонапартистского толка скорее, нежели приходу социалистической революции. Маркс развил и усложнил свое исследование капиталистической экономики после 1857 года, когда отбросил эсхатологическую надежду на подобный кризис. Именно после этого он начал изучать кризисы или экономические циклы как таковые в отрыве от политических. Кризис — это не просчет в экономической политике, он не ведет к падению капитализма. Маркс стал считать кризисы неизбежной болезнью, присущей накоплению капитала. И тем не менее, почему они происходят?

Возможность кризиса, как указывает Маркс, таится в салто-мортале, в превращении товара в деньги. Проще говоря, вероятность наступления кризиса коренится в неопределенности, связанной с тем, насколько удачно продается товар. Вместе с тем сам подобный кульбит указывает лишь на возможность такого исхода: «Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках про-

5. Маркс К. Указ. соч. С. 207.

6. Там же. С. 195.

стого товарного обращения вовсе еще не существуют»⁷. Кризисы разражаются только в условиях развитой кредитной системы. Кредит смягчает риски, с которыми связано превращение товара в деньги; он позволяет осуществлять торговлю, как если бы товар уже был продан. Но это смягчение идеалистично: в конечном счете всегда остается время для погашения счетов и выявления того факта, что товары не были распроданы. Кризис воспроизводит эту ситуацию в большем масштабе: «[Денежный кризис] возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития»⁸. По общему мнению, голландский кризис 1637 года стал результатом спекуляций на луковичах тюльпанов, но его непосредственной причиной был пузырь, созданный разрастающейся кредитной системой. Возникновение пузыря, однако, не объясняет, почему подобные кризисы происходят, периодически разражаются. Кризис, начавшийся в Британии в 1825 году и охвативший Нидерланды и Германию, коренным образом отличался от предыдущих.

Большинство марксистов полагают, что в основе кризиса лежит неконтролируемое перепроизводство, или «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением». Данная идея объясняет *возможность* возникновения кризисов, но не причину их периодического возникновения. Насколько мне известно, только Кодзо Уно предлагает убедительное разрешение этой загадки. Уно исследует проблему кризисов и деловых циклов в терминах популяционного закона капитализма (*population law of capitalism*). Труд — это специфический вид товара; он не поддается быстрому преумножению в случае нехватки или сокращению в ситуации избытка. Уволенные в период рецессии рабочие составляют «резервную трудовую армию». В периоды процветания занятость растет, зарплаты увеличиваются, а норма прибыли падает, но поскольку кредитование сохраняется на высоком уровне, капитал продолжает воспроизводиться соответственно возникающему спросу. В конце концов кредитная система обваливается и разражается кризис, неожиданно вскрывающий факт перепроизводства товаров. Каждый кризис, таким образом, начинается как кредитный кризис; причина периодических кризисов промышленного капитализма кроется в специфических свойствах труда как товара. Кризис и последующий спад приводят к банкротству и ликвидации уязвимых компаний, которые не в состоянии обезопасить свои доходы. Вместе с тем, снижая зарплаты и процентные

7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1955. С. 120–121.

8. Там же. С. 141.

ставки, депрессии позволяют капиталу инвестировать в новое оборудование и технологии. Со временем наступает новый период процветания и происходит очередной кризис. Таким образом, накопление капитала или повышение «органического строения капитала» (*organic composition of capital*) направляется деловыми циклами. С этой точки зрения кризис не деструктивен для капитализма, но является необходимым для накопления капитала процессом. Напротив, хваленая система автоматического регулирования капиталистической экономики, указывает на тот факт, что накопление капитала может развиваться лишь насильственно.

Сегодня очевидно, что периодические кризисы происходят в экономике, основанной на наемном труде. Но почему они происходят с примерным интервалом в десять лет? И почему кризисы 1857, 1866 и 1873 годов привели к хроническому спаду, а не более глубокому кризису? На эти вопросы можно ответить в терминах первичного продукта или мирового товара. Классические периодические кризисы возникали в эпоху господства хлопковой промышленности, требовавшей большого количества рабочей силы и изнашивавшей фабрики и оборудование в течение примерно десяти лет, после чего последние подлежали замене. С 1860-х годов произошел переход к тяжелой промышленности, который привел к наращиванию инвестиций в оборудование (постоянный капитал) и снижению средней нормы прибыли даже в условиях роста производительности труда (нормы прибавочной стоимости). Аналогичным образом, поскольку тяжелая промышленность не нуждалась в таком количестве рабочих, как хлопковая, выросла безработица и упало внутреннее потребление. Как следствие, спад стал хроническим. Далее, продукция тяжелой промышленности требовала выхода на внешние рынки, то есть так называемого экспорта капитала. В этих обстоятельствах перед государствами встала задача по защите своих рынков. В результате страны, владевшие колониями, такие как Британия, Франция и Нидерланды, вступили в ожесточенную схватку с набиравшими силу державами — Германией, Америкой и Японией. Так родилось понятие империализма.

Экономический цикл, описанный Марксом в «Капитале», принимает форму короткой волны, позже названной циклом Жюгляра. С другой стороны, Кондратьев описал «длинную волну», имевшую 50–60-летний цикл. С моей точки зрения, разница в продолжительности здесь не принципиальна. Длинная волна — явление, вызванное сменой мировых товаров. Этот переход — от шерсти к хлопку, тяжелой промышленности, товарам длительного пользования и информационной индустрии — при-

водили к долгим тяжелым спадам, если не кризисам. Подобные сдвиги приводили к изменению не только на технологическом уровне, но также и на уровне общества в целом. Несмотря на различные проявления, основной принцип, указанный Марксом, сохраняет значимость: накопление капитала возможно только путем насильственных изменений, и именно это позволяет капиталистическому обществу воспроизводиться. Однако одного этого принципа недостаточно для исследования повторяемости истории как общественной формации.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СПОСОБОВ ОБМЕНА

В «Капитале» Маркс предлагает гораздо более глубокое понимание повторяемости в капиталистической экономике, чем в «18 брюмера». Однако рассмотренная в этой работе повторяемость на уровне государства более никогда Марксом не упоминалась. Он считает государство всего лишь надстройкой, определяемой экономическим базисом, равно как и марксисты в целом видят в государстве или нации политическую или идеологическую надстройку, обусловленную экономическим базисом, то есть способами производства. Этот подход неприменим ни к докапиталистическим, ни к капиталистическим обществам. Очевидно, что государство или нация функционируют согласно собственной, отличной от капиталистической, логике. В действительности марксистские течения не придавали государству и нации практически никакого значения. Иногда они признавали за политико-идеологической надстройкой «относительную автономию», но никогда не размышляли о том, почему государство ею обладает. Это затруднение вызвано Марксовой позицией, рассматривавшей историю через призму «способов производства». До тех пор пока мы разделяем этот взгляд, государство и нация будут оставаться загадкой.

В работе «Транскритика» я предлагаю рассматривать историю общественных формаций с точки зрения способов обмена, а не способов производства⁹. Говоря коротко, существует три основных способа обмена: взаимообмен дарами; грабеж и перераспределение; обмен товарами. С моей точки зрения, каждая общественная формация существует как соединение этих способов обмена, а различия между формациями сводятся к тому, какой из способов первичен и каким образом они связаны. В ка-

9. См.: *Karatani K. Transcritique: On Kant and Marx/Sabu Kohso (Trans.). Cambridge: MIT, 2003.*

питалистической общественной формации преобладает товарообмен, наряду с которым по-прежнему существуют — хотя и в измененных формах — другие способы обмена и их производные. Государство обретает современную форму, а разложившаяся община становится нацией как неким воображаемым сообществом. Таким образом, три способа обмена превращаются в триаду капитала, нации и государства¹⁰. С такой точки зрения очевидно, что автономия государства абсолютно отлична от ав-

10. Каждая общественная формация соединяет в себе различные принципы обмена. Например, первобытные общества основаны преимущественно на взаимобмене, существующем наряду с войнами и торговлей с другими общинами. При кочевом образе жизни эти способы никогда не обретают окончательной формы. Маркс подчеркивает, что обмен товарами возникает между общинами, тогда как внутри них преобладает взаимобмен. Исторически обмен товарами превалирует в обществах, перешедших к капитализму Нового времени. Государство возникает там, где община грабит и захватывает другие общины. Оно не зарождается внутри общины, поскольку взаимобмен препятствует возникновению монаршей власти, то есть концентрации власти за пределами племенной верхушки. Грабеж не является формой обмена, но осуществляемый систематически, он начинает требовать различных форм перераспределения. Последнее включает в себя социальное обеспечение, безопасность и меры коммунального благоустройства, направленные, к примеру, на предотвращение наводнений и контроль над ирригацией; все названные элементы в действительности являются не чем иным, как формами обмена. Государство основывается на этом способе обмена — грабеже и перераспределении.

С другой стороны, при обмене товарами, который, в отличие от двух других способов обмена, основан на взаимном соглашении, люди не всегда находятся в равноправных отношениях. В действительности обмен осуществляется между деньгами и товарами, отношение которых не симметрично. Хотя деньги играют роль «общественно признанного залога» (*social pledge*), используемого для обеспечения непосредственной взаимозаменяемости товаров, последним необходимо произвести своего рода «сальто-мортале», дабы иметь возможность быть обмененными на деньги (*Маркс К. Капитал. Т.1. С.136*). Те, у кого есть деньги, могут приобретать продукты у других и использовать других, не прибегая к насильственным мерам. Теоретически те, у кого есть деньги, и те, у кого есть товары, должны находиться в равноправных отношениях, но на практике этого не происходит. Деньги позволяют принуждать других, и те, кто ими обладает, становятся капиталистами по схеме Д—Т—Д'. Следовательно, классы формируются не насильственным путем, а на основании способов товарообмена.

В докапиталистических общественных формациях существуют товары и товарный обмен (торговый капитал), но они контролируются государством. В капиталистических формациях доминирующим оказывается товарообмен. Другие способы обмена и их производные, впрочем, не исчезают, но трансформируются. Государство становится современным, а диссоциированная община становится нацией, то есть воображаемым сообществом. Все они составляют триединство капитала, нации и государства.

тономии капитала; они основываются на разных принципах обмена. В «Капитале» Маркс отделяет капитал от государства и нации, заключая в скобки измерения других способов обмена в попытке схватить созданную товарообменом систему в ее чистоте. Разумеется, лучше проследживать, как каждый из этих способов обмена формирует систему (как Маркс и поступает в отношении системы капиталистической экономики), чем жаловаться, что философ не исследует государство и нацию. Антропологи, такие как М. Мосс и К. Леви-Стросс, предприняли попытку описать механизмы взаимности в обществе. Нам же следует проводить подобную работу применительно к государству.

Как было сказано выше, периодические кризисы не происходят, пока различные способы товарообмена и товаризации труда коренным образом не реорганизуют общество. Иными словами, пока капиталистическая экономика не столкнется с очередным кризисом, она не может заявить о своей автономии. То же верно и для автономии государства: только характерная повторяемость подтверждает его автономию.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТАДИИ КАПИТАЛИЗМА

История общественных формаций должна рассматриваться через отношение между двумя объектами: государством и капиталом. Повторяемость, присущую государству и капиталу, необходимо рассматривать одновременно. Государство и капитал дополняют друг друга даже в ситуации противопоставления. Ни одно из них не может быть сведено к другому. В «Капитале» Маркс заключает государство в скобки; несомненно, эта операция окутывает капитализм на стадии империализма завесой тайны. На этапе развития тяжелой промышленности усиливается вмешательство государства в экономику. Тяжелая промышленность требует больших объемов инвестиций от государства, а не от корпораций. Великобритания отстала от Германии по уровню индустриализации именно по причине недостатка государственных инвестиций. Это явление, если не прибегать к кейнсианской концепции государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), невозможно объяснить, если государство вынесено за скобки. Столкнувшись с этими новыми обстоятельствами, марксистские экономисты были вынуждены пересматривать и развивать принципы «Капитала». Этот пересмотр и развитие фактически являются отказом от «Капитала».

Рассматривая этот разрыв между «Капиталом» и реальным состоянием политической экономики, я бы хотел вновь обратиться к работам Кодзо Уно, который пытается решить эту

проблему особенным образом. Уно полагает, что в «Капитале» Маркс описывает «чистый капитализм», принципы капиталистической экономики и ее функции в условиях, когда обмен товарами широко распространен. Однако такого чистого капитализма не существует. Наиболее близкий к этому образ являла собой Великобритания в пору пребывания там Маркса, однако «Капитал» не ограничивается экономикой одного государства, хотя и использует Великобританию в качестве модели. «Капитал» говорит о мировом капитализме и поэтому опускает проблему «налогообложения» (на которой делает акцент Рикардо), вынося государство за скобки. Уно настаивает, что в реальных общественных формациях государство вмешивается в экономику, и это вмешательство принимает форму «экономической политики», задающей исторические стадии капитализма. Стадии, предложенные Уно, — меркантилизм, либерализм и империализм. Кроме того, он отличает от империализма период, следовавший за русской революцией. Капиталистические государства применяли экономические политики, такие как кейнсианство и фашизм. Капитализм после 1930-х годов, как правило, называют поздним капитализмом, но столь же применимы к нему термины «фордизм» или «капитализм государства всеобщего благосостояния». Роберт Олбриттон (Robert Albritton), следуя теории Уно, называет этот этап консьюмеризмом¹¹.

На мой взгляд, эти этапы можно также описать через смены мирового товара. Для меркантилизма характерно преобладание шерстяной промышленности, для либерализма — хлопковой, для империализма — тяжелой, для позднего капитализма — товаров длительного пользования, таких как автомобили и электроприборы. Новый этап капитализма начался в 1980-е годы, когда мировым товаром стала информация. Отмеченные стадии представлены в таблице 1.

С точки зрения производительности труда эти стадии оказываются эволюционными, и в этом смысле такой подход не обнаруживает существенных расхождений с марксизмом. Значение теории Уно не в том, как она выделяет этапы развития капитализма, но в том, как она определяет этапы экономической политики. Уно возвращает в поле зрения государство, вынесенное в «Капитале» за скобки, но сохраняет введенный этой работой принцип чистого капитализма. Очевидно, к примеру, что при меркантилизме государство является активным субъектом. Но либерализм — это также экономическая политика влиятельных стран, таких как Великобритания. В эпоху либерализма

11. Albritton R. A Japanese Approach to Stages of Capitalist Development. NY: St. Martin's, 1995.

таблица 1. Всемирно-исторические стадии
государственного капитализма

	1750–1810	1810–1870	1870–1930	1930–1990	1990 —
Мировой капитализм	Меркантилизм	Либерализм	Империа-лизм	Поздний капитализм	Неоимпе-риализм
Гегемон		Велико-британия		США	
Экономиче-ская политика	Империа-листическая	Либеральная	Империа-листическая	Либеральная	Империа-листиче-ская
Капитал	Торговый	Промышлен-ный	Финансовый	Государст-венная монополия	Многона-циональ-ный
Мировой товар	Производство шерсти	Производ-ство хлопка	Тяжелая промышлен-ность	Товары длительного пользования	Инфор-мация
Государство	Абсолютная монархия	Националь-ное государ-ство	Империа-лизм	Государство всеобщего благосостоя-ния	Региона-лизм

менее могущественные государства должны были защищаться с помощью протекционизма, дабы избежать участи превращения в колонии. Излишне напоминать, что империализм — экономическая политика, взятая на вооружение могущественными державами. При этой политике государства играют активную роль, и ни фашизм, ни государство всеобщего благосостояния не являются исключениями. Все это экономические политики государства, которое не тождественно капиталу.

Таким образом, Уно описывает стадии капитализма, вводя измерение государства. В результате возникает новый вид повторяемости, отличный от экономической. Безусловно, империализм является повторением меркантилизма. И все же Уно умалчивает о проблеме государства, ограничивая себя экономикой. В то же время Иммануил Валлерстайн рассматривает стадии капитализма с точки зрения борьбы за гегемонию между государством и капиталом. Так, Валлерстайн не ограничивает либерализм серединой XIX века, как это делает Уно. Либерализм — это политика, используемая гегемоном, и она возможна в любую эпоху. С позиции Валлерстайна только три государства применяли либерализм в мировой экономике Нового времени: Нидерланды, Великобритания и США. Со второй половины XVI

по середину XVII века, когда Великобритания проводила меркантилистскую, или протекционистскую, политику, Нидерланды были либеральными; в политическом плане это была не абсолютная монархия, а республика¹².

Согласно Валлерстайну, изменения во власти гегемона исходят по следующей модели: «Отмеченное превосходство в агроиндустриальной производственной эффективности ведет к доминированию зон коммерческого распространения мировой торговли, соответствующие доходы которых извлекаются как благодаря перевалочному положению для большей части мировой торговли, так и за счет контроля над «невидимыми статьями» — транспортом, средствами коммуникации и страхованием. Коммерческое первенство приводит в свою очередь к контролю над финансовыми секторами — банковскими услугами (обмен валют, депозит и кредит) и инвестициями (прямыми и портфельными)»¹³. Так государство утверждает гегемонию, переходя от производства к торговле и затем к финансам. Однако «существует, вероятно, лишь короткий отрезок времени, когда описанный центр власти позволяет обеспечить одно временно производственное, торговое и финансовое превосходство над другими центрами власти»¹⁴. Иными словами, даже в случае утраты гегемонии в производстве, ее можно сохранить в сфере торговли или финансов. Нидерланды и Великобритания сохраняли гегемонию в этих сферах еще долгое время после того, как потеряли ее в производстве. Голландцы поддерживали ее в распространении и финансах даже после того, как Великобритания превзошла их в производстве в конце XVIII века. Лишь в XIX веке (в период, названный Уно «либерализмом») Великобритания окончательно заняла главенствующую позицию. Однако если период британского владычества называется либерализмом, так же следует называть и период голландской гегемонии. С другой стороны, меркантилизм представляет собой период отсутствия гегемона, как это было в то время, когда Нидерланды свою власть уже утратили, а Великобритания и Фран-

12. Прибежища в Амстердаме искали Декарт и Локк, там жил и Спиноза. Подобно им, Маркс находился в изгнании в либеральной Великобритании. Валлерстайн пишет: «Поколения шотландцев отправлялись в Нидерланды за университетским образованием. Это еще одна из причин, объясняющих появление шотландского просвещения конца XVIII века, которое в свою очередь стало решающим фактором в возвышении Британии» (Wallerstein I. *The Modern World System: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. 1600–1750*. Vol. 2. NY: Academic, 1980. P. 66).

13. Ibid. P. 38.

14. Ibid. P. 39.

ция еще только боролись за нее. Отсутствие гегемона можно обнаружить и на этапе империализма, после 1870 года, когда Америка, Германия и Япония стремились подхватить гегемонию, ускользавшую из рук Великобритании. Неудивительно с этой точки зрения, что между этапами меркантилизма и империализма обнаруживаются сходства.

Развитие этапов капитализма не может быть сугубо линейным, поскольку требует не только смены мирового товара, но и длительного спада. Иными словами, оно нуждается в повторении, присущем капиталистической системе. С другой стороны, оно влечет за собой смертельные схватки между государствами и, следовательно, повторение на уровне государства. Этапы мирового капитализма, таким образом, можно рассматривать как повторение этапов империализма и либерализма (см. таблицу 1). К примеру, в нашей схеме меркантилизм — это переходная стадия между голландским и британским либерализмом, то есть период, когда влияние Нидерландов уменьшалось, а Великобритания и Франция еще не были сильны настолько, чтобы ее заменить, и поэтому боролись друг с другом. Стадия, которую империализм переживал после 1870-х годов, отмечена упадком Великобритании и попытками Германии, Америки и Японии осуществить передел территорий, ранее принадлежавших другим имперским силам. Мы видим, что стадии мирового капитализма задают не только линейное развитие производства, но также чередование эпох либерализма и империализма. На мой взгляд, это чередование укладывается в 60-летний цикл, в силу которого история современного мира повторяется каждые сто двадцать лет. Неизвестно, продолжится ли воспроизводство этого цикла, но такое предположение могло бы послужить продуктивной эвристической гипотезой.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1990-е годы называют эпохой неолиберализма. Часто говорят, что Америка, как прежде Британская империя, насаждает чрезмерную гегемонию и что ее установки типичны для либерализма. И хотя Америка сохраняла гегемонию вплоть до 1990-х, с 1970-х годов начался ее экономический упадок, отмеченный отказом от золотого стандарта в 1971 году. Америка следует по тому пути, который однажды уже прошли Нидерланды и Великобритания: теряя в производственных отраслях, США сохраняют гегемонию в финансовой сфере и торговле природными ресурсами, такими как нефть, газ и энергия.

Во времена британского либерализма война не представляла угрозы для Великобритании. С 1930-х по 1990-е годы (в особенности между 1945-м и 1975-м годами) Америка была такой же либеральной, как Великобритания XIX века. Развитые капиталистические государства находились под американской защитой, сотрудничали друг с другом и считали Советский союз общим врагом, проводя внутреннюю политику по защите трудящихся и общему социальному обеспечению. Вопреки обманчивому впечатлению, международный советский блок и собственные социалистические партии стабилизировали мировой капитализм, а не угрожали ему, а потому холодная война — это стадия либерализма с США в роли гегемона. С 1980-х годов рейгановская политика и тэтчеризм, в частности, урезание социального обеспечения, дерегулирование движения капитала и сокращение налогов, была усвоена развитыми капиталистическими государствами. Такую политику принято считать неолиберальной, однако она вполне совместима с империализмом, доминировавшим в 1880-е годы. Ленин утверждал, что стадии империализма исторически характеризуются экспортом капитала: капитал ищет выхода на мировой рынок, так как внутренний для него никогда не достаточен. Ханна Арендт описывала империализм 1880-х годов как освобождение государства, связанного с капиталом, от бремени нации. Отринув национальные требования и бросив собственных рабочих, государство поддерживало вывоз капитала за границу экономическими и военными средствами¹⁵. То же происходит и в неолиберальный период. Глобализация началась в 1970-е годы, когда развитые страны переживали падение нормы прибыли и хронический спад из-за перенасыщения рынка товарами длительного пользования. Кроме того, Америка потеряла первенство в производстве этих товаров из-за значительного роста промышленности Японии и Германии. В результате, американский капитал нашел дорогу на глобальный свободный рынок. Это глобальное соревнование, впрочем, было бы невозможно без военной гегемонии США. Текущая стадия капитализма скорее неоимпериалистическая, чем неолиберальная.

Согласно Антонио Негри и Майклу Хардту, Америка действовала не как империалистическое государство, а как Империя, поскольку, хотя и обладала абсолютным военным превосходством, искала одобрения ООН во время войны в Персидском заливе 1991 года: «Значение войны в Заливе состоит скорее в том, что она представила Соединенные Штаты единственной державой,

15. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. Ч. 2. Империализм.

способной блюсти международную справедливость не как функцию собственных национальных интересов, но во имя глобального права»¹⁶. Не могу согласиться с тем, что Америка является Империей и при этом не империалистична. Ни одна нация или государство не может избежать империализма, если пытается стать Империей. Через 10 лет после войны в Персидском заливе война в Ираке опровергла предположение, что Америка является неимпериалистической Империей: Америка скорее следовала по пути унилатерализма, нежели искала одобрения ООН. Безусловно, Негри и Хардт не отстаивают идеи Американской Империи: для них Империя — это место без места.

«[Капиталистическому рынку] препятствуют границы и протекционистские барьеры; и, напротив, ей способствует неуклонное расширение сферы деятельности. Прибыль может быть получена лишь посредством контакта, соединения, взаимобмена и торговли. Создание мирового рынка было бы конечным моментом этой тенденции. В идеале у мирового рынка не существует внешнего: весь мир является его владением. Поэтому мы можем использовать мировой рынок как модель для понимания природы имперского суверенитета. <...> На этом выровненном пространстве Империи нет локальности власти — она везде и нигде. Империя является *не-топией* или, в действительности, *а-локальностью*»¹⁷.

Империей Негри и Хардт называют мировой рынок. На этом рынке государства не имеют значения. Ту же идею можно обнаружить в «Коммунистическом манифесте» 1848 года, предрекающем стирание различий между народами и государствами во имя «всесторонних контактов и всеобщей взаимозависимости наций». Этот подход игнорирует само измерение государства. Так, революции 1848 года, привели к государственному капитализму и империализму во Франции и Германии, но не упразднили нации и государства.

Сегодня говорят, что система национальных государств подорвана. Действительно, элемент нации часто отбрасывается, но это совсем не значит, что растворяется государство. Лишь воля государства как такового может заставить его вступить в союз с другим государством. Не было ни одного государства, которое отказалось бы от союза или зависимого положения, когда на кону оказывалось его собственное выживание. Отказаться от этого может только нация как воображаемое сообщество. Теоретики Евросоюза утверждают, что союз трансцендентен современным суверенным государствам. Не только национальное государство

16. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 177. — Курсив автора.

17. Там же. С. 182.

испытывает давление мировой экономики, но и региональные союзы государств. Чтобы противостоять Америке и Японии, европейские государства сформировали Евросоюз и делегировали экономическую и военную власть этой сверхсистеме. Это нельзя назвать устранением современного государства. Государства объединяются и образуют блоки под давлением мирового капитализма или мирового рынка. Евросоюз — не первое союзное государство в истории, ему предшествовали германский Третий рейх и японская Великая восточноазиатская сфера взаимного процветания, которые были созданы в 1930-х годах, чтобы противостоять союзным экономикам Великобритании, Франции и Америки. Перед войной эти союзные государства представляли себя превзошедшими современную миро-систему, то есть капитализм и национальное государство. Проект европейского союза существовал еще при Наполеоне; образцом ему служила древняя Империя, нашедшая свое воплощение, однако, лишь во французском и германском империализме.

Таким образом, европейцы не забывали о прошлом, когда создавали Евросоюз. Очевидно, что они пытались воссоздать Империю, которая не была бы империалистической. Однако союз — не что иное, как блок стран, созданный глобальной экономикой. В других регионах близкая ситуация: древние империи Китая, Индии, ислама и России, оттесненные на обочину современной мировой системы, возродились. В каждом регионе, где национальное государство сложилось путем отделения себя от мировой империи налицо, с одной стороны, единая цивилизация, а с другой — прошлое, полное раздоров и борьбы. Государства скрепляют свои воспоминания от лица нации и формируют общество через отказ от собственного суверенитета. Однако это явление происходит как раз под давлением мирового капитализма, который доминирует сегодня над государствами. Ренан однажды заметил, что забвение истории необходимо для построения нации, и это его замечание столь применимо к формированию союзных государств. Так же как и нация, это воображаемое или сконструированное сообщество.

ПОВТОРЯЕМОСТЬ, ПРИСУЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯМ

До сих пор мои рассуждения касались структуры исторического повторения в паре государство-капитал. В этом разделе я хотел бы показать, как контрдвижения против государства и капитализма — социалистические движения в самом широком смысле — изменялись в соответствии с глобально-историческими циклами государства и капитала, и как этим движениям ока-

зывалась свойственна та же повторяемость, что и паре государство-капитал. То есть движение, направленное против государства и капитала, определяется повторяемостью самой этой пары. В этом отношении представляется плодотворным утверждение Иммануила Валлерстайна о том, что революция 1968 года сопоставима с революцией 1848 года. Согласно Валлерстайну, революция 1968 года не ставила целью достижение политической власти, но была чрезвычайно влиятельным движением против системы. Революции 1848 года также не удалось добиться политической власти, но она обеспечила переход к всеобщему избирательному праву, легализации трудовых союзов и системе социального обеспечения. Кроме того, революция 1968 года возродила различные формы социализма и утопизма, в том числе идеи раннего Маркса, которые с 1848 года находились в забвении.

Я хотел бы особо отметить тот факт, что революция 1968 года произошла ровно через 120 лет после революции 1848 года. Валлерстайн, вероятно, отверг бы мою гипотезу о 60- и 120-летних циклах, поскольку он признает периодичность, основанную на теории длинных волн Кондратьева. Однако сходство между 1848 и 1968 годами не простая случайность; оно соответствует периодичности стадий пары государство-капитал. Необходимо также отметить, что за 60 лет до 1848 года произошла Французская революция, а примерно через 60 лет — русская революция. Эти события могут быть представлены как следующая последовательность:

А 1789 Французская революция (*Кант*. К вечному миру, 1795)
В 1848
А 1917 Русская революция (Лига наций, 1920)
В 1968

Валлерстайн рассматривает революцию 1848 года как преодоление революции 1789-го, русскую революцию 1917-го — как преодоление 1848-го, а революцию 1968 года — как преодоление 1917 года¹⁸. Бессмысленно, однако, рассматривать эти события последовательно: события ряда А происходят на империалистической стадии, а ряда В — на либеральной. Эти различия и повторяемость важны, когда мы говорим о периоде после 1990 года.

Начнем с ряда В. Эти революции в основном происходили в эпоху либерализма, когда гегемонии достигали Великобритания и Америка; это первые случаи контрнаступления пролетариата на капитализм, но без надежды на захват власти. Тогда

18. Arrighi G., Hopkins T., Wallerstein I. *Antisystemic Movements*. NY: Verso, 1989. P. 97–98.

революции были побеждены, но оказались тем не менее чрезвычайно значимыми. После революции 1848 года восстания пролетариата заставили все государства, которые были тождественны капиталу, обратиться к социальной политике. Короче говоря, революция создала прообраз капиталистического государства всеобщего благосостояния. Против этой тенденции был направлен возникший после 1870-х годов империализм, который освобождает пару государство-капитал от контроля со стороны нации. Субъектами борьбы в 1968 году выступали уже не пролетарии в узком смысле, но студенты и те, кто был дискриминирован по признаку пола, национальности, расы и сексуальной ориентации. Если использовать термин Негри и Хардта, революция была восстанием множества (*multitude*). В результате в каждой стране был расчищен путь капитализму государства всеобщего благосостояния. Неолиберализм после 1980-х годов явился именно последствием освобождения пары государство-капитал от нации.

Говоря о ряде А, мы видим, что революция 1789 года произошла во времена борьбы Франции и Великобритании за гегемонию. Завершилась революция войной, целью которой было сделать Францию империей, которая смогла бы соревноваться с Британской. Революция 1917 года, с другой стороны, произошла в результате Первой мировой войны и привела к другой войне. В результате революции, Россия, которая была наименее могущественной среди великих держав, возродилась как Империя. Только марксисты, которые придавали большее значение классу, чем нации, предложили идеологию, которая отрицала разделение империй старого мира на национальные государства, хотя в действительности они были разделены.

С точки зрения оппозиции государства и капитала, ряд В важнее, чем ряд А. Однако мы не можем ожидать события из ряда В в будущем, поскольку период после 1990-х годов является империалистическим, и если революция и произойдет, она будет принадлежать к ряду А. Валлерстайн считает революцию 1968 года «репетицией» антисистемных движений глобального масштаба¹⁹. Однако то, что произойдет, не станет повторением 1968 года в большем масштабе. Восстание множества (*multitude*), которое ожидают Негри и Хардт, невозможно на этапе империализма. Размышляя о событиях с 1968 по 1990 год, мы должны обратиться к истории с 1848 по 1870 год и ее последствиям²⁰.

19. Ibid. P. 111.

20. Мировая революция 1848 года потерпела поражение; как следствие, в 1880-х годах развитые государства установили внутренний социал-демократический порядок и использовали империалистическую политику

Как мир после 1870 года не ожидал возвращения 1848 года, так и мы, живущие в мире после 1990 года, не можем ожидать возвращения 1968-го. После 1990 года борьба за ресурсы и рынки между парами государств и капиталов может усилиться и привести к новой мировой войне. Эта война может как спровоцировать восстание множества, так и быть вызванной таким восстанием. Так или иначе, в первой половине XXI века любое контрдвижение против пары государство-капитал должно учитывать возможность войны.

Стоит отметить, что Кант писал работу «К вечному миру» во время войны, последовавшей за Французской революцией. Мир обычно означает состояние без войны. Однако Кант называет «миром» «конец всякой вражды», в котором нет государства, а гоббсовскому естественному состоянию приходит конец. То есть для Канта мир — это преодоление государства. Следовательно, то, что он называет «царством целей» или «мировой республикой», обозначает общество, в котором государство и капитал устранены²¹. В этом смысле Канта можно назвать анархистом. Однако в отличие от анархизма, Кант начинал

вовне. В Великобритании через год после оккупации Египта в 1882 году было основано Фабианское общество. В Германии, пока империализм был основой внешней политики 1890-х годов, также была легализована и позднее получила ряд мест в Бундестаге Социал-демократическая рабочая партия. Потому в 1895-м году Энгельс мог утверждать, что «способ борьбы, применявшийся в 1848-м году, теперь во всех отношениях устарел» (Введение к работе К.Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год»). Хотя в 1886-м году он заключал, что «Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами» (Маркс, «Введение к английскому изданию», Капитал), в 1895-м году он писал, что такая революция могла произойти в Германии. Ученик Энгельса Бернштайн развил эти идеи. В развитом государстве социальная демократия во внутренней политике сосуществует с империализмом во внешней. Второй Интернационал, созданный социал-демократическими партиями, выступал против империализма и войны. Ему не удалось предотвратить Первую мировую войну, что привело к распаду этой организации как только война разразилась. С другой стороны, были и те, кто критиковал социальную демократию развитых государств и пытался повторить революцию 1848 года; их действия привели к русской революции.

21. Кант И. К вечному миру/Подгот. текста и вступ. ст. А. В. Гулыги. М.: Московский рабочий, 1989. Задолго до работы «К вечному миру», Кант описывал мировую республику как цель истории человечества. Он называл ее «царством целей», реализацией морального закона, который приказывает нам относиться к другим «всегда как к цели, и никогда — как к средству». Невозможно, чтобы царство целей сосредоточивалось в одном государстве: если оно будет достигнуто, это государство уже не сможет использовать другие страны как средства. Поэтому царство целей с необходимостью является мировой республикой; это устранение не только государства, но и капитализма. Например, пока существует система, ко-

с представления о том, что государство может быть таковым лишь в отношении к другим государствам. Анархисты и марксисты понимают устранение государства лишь в рамках одной страны, так как они считают государство вторичной надстройкой. Однако государство автономно и существует лишь в отношении к другим. Отправляясь от автономии государства, Кант рассматривает, каким образом последнее может быть устранено. Проект федерации государств — лишь первый шаг к мировой республике, которая является «регулятивной идеей» разума. Гегель насмеялся над этой идеей, считая ее нереалистичной, но для Канта она была реальной. Он полагал, что федерация государств может быть создана не благодаря человеческому разуму или доброй воле, но за счет человеческого антагонизма или войны. Этот антагонизм отличается от гегелевской «хитрости разума» и может быть назван «хитростью природы». Хотя проект Канта был проигнорирован, он возродился в конце XIX века, во время эпохи империализма. И это не было случайностью. Сам по себе проект Канта был задуман на предыдущей стадии империализма. После Первой мировой войны этот проект был воплощен в Лиге Наций. Нет нужды напоминать, эта организация не предотвратила Вторую мировую войну, но привела к возникновению ООН, которая также довольно неэффективна, однако любая попытка ограничить ООН привела бы к ее усилению. На этапе империализма нет другого способа избежать повторяемости, вызванной парой государство-капитал, как только следовать контрдвижению, описанному Кантом.

Перевод с английского Романа Сафронова

торая пожинает плоды экономического неравенства между государствами, мировая республика невозможна.